

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЦИЦЕРОНА О ЛЮБВИ

С. С. ДЕМИНА

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ist-drev@yandex.ru

SVETLANA DEMINA

Alexander and Nikolay Stoletovs Vladimir State University, Russia

CICERO ON LOVE

ABSTRACT. This article investigates Cicero's thoughts about love. According to this Roman philosopher a disposition to love is given to people by nature. He defines love (*amor*) as recognition of importance of another person *per se* and an aspiration to do anything good for him unselfishly. Love as a philosophical category allows Cicero to explain a person's behavior, to disclose importance of a person for another person, to display a moral similarity of both loving persons as well as to explain unification of people in associations of different levels (matrimonial and family relations, friendship, neighborhood, citizenship, nationality, humankind). In Cicero's opinion, the widespread understanding of love as a passion is erroneous and leads to violation of moral and legal norms, therefore Cicero's attitude to this passion is extremely negative.

KEYWORDS: Ancient Rome, Cicero, emotions, natural and unnatural, love, *amor*.

Изучение сущности любви остается, по справедливому замечанию Н. А. Некрасовой и К. Ю. Тарновского, весьма сложной философской задачей.¹ Попытки решить ее предпринимались уже античными философами, одним из которых был Марк Туллий Цицерон. Анализ его представлений о

¹ Некрасова, Тарновский 2010, 210.

любви позволит не только расширить современное научное знание о творческом наследии этого выдающегося римского мыслителя I в. до н. э., но и глубже понять специфику ментальности, мир чувств, знания о нем и отношение к нему в античную эпоху.

О любви и ее видах у различных античных философов пишут многие современные авторы.² А. Ф. Лосев обратил внимание на то, что в римском понимании «любовь рассудочна», а «латинский язык невероятно скуден в словах и выражениях, относящихся к сфере любви».³ В. Т. Звиревич отмечает, что, с точки зрения Цицерона, присущая человеку от природы склонность любить людей породила «благородство, любовь к отечеству, чувство долга, желание служить ближнему и проявление ему благодарности», а приязнь (*amor*) и уважение (*caritas*) рассматривались им как признаки дружбы (*amicitia*).⁴ Заметим, что к представлениям этого римского мыслителя о дружбе исследователи проявляют достаточно большой и устойчивый интерес,⁵ в то время как его отношение к любви как философской категории до сих пор остается практически не изученной темой, поэтому в данной статье⁶ будет предпринята попытка в некоторой степени восполнить этот пробел в научном знании.

Цицерон отмечал, что для постижения сути любого учения, для поиска ответа на какой-либо теоретический вопрос прежде всего необходимо дать определение его основного предмета (*De off. I. 7*). Хотя теме любви этот римский мыслитель и не посвятил отдельное произведение, тем не менее, неоднократно затрагивая ее в сочинениях разных лет, он сформулировал свои определения любви. В произведениях «О пределах добра и зла» (*De fin. II. 78*)⁷ и «Лелий, или О дружбе» (*Lael. 100*)⁸ Цицерон раскрывает сущность любви (*amor*), оперируя глаголом «любить» (*amare*), который у него означает желать оказывать благодеяния другому человеку, ценить его, не намере-

² См., напр., Чанышев 1990, 44–45; Апресян 2000, 186; Гаджикурбанова 2005, 77; Кришталёва 2010, 58–60; Мазаева 2015, 138–139.

³ Лосев 1979, 32.

⁴ Звиревич 1988, 78 и 82 соотв.

⁵ См., напр., Утченко 1986, 272–276; Звиревич 1988, 82; Звиревич 2003, 118; Апресян 2000, 188; Österberg 2010, 30–31.

⁶ В статье использовались латинские тексты по указанным в списке изданиям.

⁷ *De fin. II. 78*: «*Quid autem [e]st amare, ... nisi uelle bonis aliquem adfici quam maxumis, etiam si ad se nihil ex iis redeat?*» («Но что значит любить, ... если не желать доставить кому-либо как можно больше благ, даже если себе ничего из них не достанется?»).

⁸ *Lael. 100*: «*... amare autem nihil est aliud, nisi eum ipsum diligere quem ames, nulla indigentia, nulla utilitate quaesita...*» («... но любить – это не что иное, как ценить того самого, кого любишь, не нуждаясь [в нем], не ища никакой пользы...». Заметим, что здесь «не нуждаясь» употребляется в смысле «не имея заинтересованности»).

ваясь извлечь какую-либо выгоду для себя. Как видим, с точки зрения этого мыслителя, любовь подразумевает особое отношение к другому, ориентирующее поведение любящего исключительно на благо любимого, который признается значимым сам по себе, а не из прагматических соображений пользы. Он также указывает, что любовь, как и другие чувства, зачастую влияет на принятие решений (*De orat.* II. 178). Таким образом, на уровне индивида любовь как философская категория обладает у Цицерона функцией ориентира поведения.

Признание ценности другого человека, являющееся основой любви, сближает в понимании этого мыслителя слова «*amare*» и «*diligere*», с одной стороны, и «*amor*» и «*caritas*», с другой. В определении любви (см. *Lael.* 100) Цицерон раскрывает смысл глагола «*amare*» через глагол «*diligere*» в значении «ценить», добавляя, что при этом не ожидается извлечение из отношений с другим человеком какой-либо пользы для себя, т. е. здесь он немного разводит смыслы этих слов. В других же случаях, рассуждая о любви и дружбе, римский мыслитель употребляет глагол «*diligere*» в значении «любить» (см., напр., *De fin.* II. 46; *Tusc. disp.* III. 73; *De nat. deor.* I. 122; *Lael.* 60). У пары «*amor*»–«*caritas*» также наблюдается частичное совпадение смыслов. Термин «*caritas*» используется Цицероном в значениях «уважение» (см., напр., *De orat.* II. 206), «привязанность» (см., напр., *Lael.* 32) и «любовь» (см., напр., *De nat. deor.* I. 122; *Lael.* 80, 102). Такое словоупотребление позволяет ему показать, что на уровне межличностных отношений любовь раскрывает ценность одного человека для другого.

По мнению этого римского мыслителя, любить другого человека нужно, как себя: не больше, чем себя, иначе произойдет «смятение жизни... и всех обязанностей» («*perturbatio vitae... atque officiorum omnium*»: *Tusc. disp.* III. 73), но и не меньше (*De leg.* I. 34). Каждый из двух любящих равен другому в своей склонности бескорыстно делать добро любимому. Они как бы состязаются в этом творении блага друг для друга, и это «состязание» (*certatio*), с точки зрения Цицерона, в нравственном отношении прекрасно (*honestata*: *Lael.* 32). Такое равенство в любви объясняется тем, что она, как и дружба, возникает между людьми с похожими душевными качествами (*mores*) (см. *Ibid.* 27, 32, 50). Как пишет Цицерон, «хороших [людей] хорошие ценят и притягивают к себе» («*bonos boni diligant, adsciscantque sibi*»), что соответствует природе (*Ibid.* 50), ибо «добродетель любит себя» («*est amans sui virtus*»: *Ibid.* 98) в другом человеке и отвергает и ненавидит все, что ей противоположно (*Ibid.* 47).⁹ Следовательно, на уровне межличностных отноше-

⁹ Примеры см. *De fin.* II. 46; *Lael.* 47. *De fin.* II. 46: «... omnia uera diligimus, id est, fidelia, simplicia, constantia, tum uana, falsa, fallentia odimus, ut fraudem, periurium, malitiam,

ний любовь у Цицерона является еще и показателем духовного соответствия любящих людей друг другу, их нравственного сходства.

Как полагает этот мыслитель, все люди хотят любить и быть любимыми (Ibid. 52, 102). Склонностью к любви их наделила природа (De leg. I. 43; De fin. III. 62, V. 65; Lael. 32; De off. I. 12), которая посредством любви объединяет людей, устанавливая брачные, семейные, более широкие родственные, дружеские и соседские связи, а также связи граждан внутри государства, различных государств и народов (союзнические и дружеские отношения), обеспечивая тем самым единение всего человеческого рода (De fin. V. 65). Таким образом, на общечеловеческом уровне Цицерон придает любви как философской категории интегрирующую функцию.

Признание ценности другого человека самого по себе и данное от природы желание бескорыстно что-то делать для него ему во благо сближают в понимании этого мыслителя любовь (amor) и дружбу (amicitia) (см. De nat. deor. I. 122; Lael. 27, 51).¹⁰ Близость этих понятий, характеризующих человеческие взаимоотношения, он объясняет этимологическим родством слов «amor» и «amicitia» (De fin. II. 78; De nat. deor. I. 122; Lael. 26, 100). Размышляя о любви и дружбе, Цицерон противопоставляет любви ненависть (odium) (см. Lael. 59, 60), которая, по его мнению, уничтожает дружбу (Ibid. 89) и даже может разрушить гражданскую общину (Ibid. 23). Избежать этого, как полагает римский мыслитель, можно, стараясь выбрать себе такого друга, любовь к которому не переросла бы в ненависть (Ibid. 60), а для этого его сначала нужно хорошо узнать, а уже потом полюбить (Ibid. 85), или проявляя к человеку, уже ставшему другом, терпение (Ibid. 60).

Цицерон отмечает, что обычно под словом «любовь» (amor) люди подразумевают страстное влечение к «Венериным удовольствиям», которому он не находит специального названия, поэтому, рассуждая о нем, также оперирует термином «amor» (Tusc. disp. IV. 68).¹¹ Он включает это влечение в раз-

iniuriam» («... все истинное мы любим, то есть верное, простое, постоянное, тогда как пустое, ложное, поддельное ненавидим, как, [например,] обман, нарушение клятвы, коварство, несправедливость»). Lael. 47: «Quod si curam fugimus, virtus fugienda est. Quae... res sibi contrarias aspernetur atque oderit: ut bonitas malitiam, temperantia libidinem, ignaviam fortitudo» («Ибо если [мы] избегаем заботы, [то] должны избегать [и] добродетели, которая... противоположные себе качества отвергает и ненавидит, как доброта – злобу, воздержанность – страстное желание, храбрость – трусливость»).

¹⁰ Е. Остерберг отмечает, что отсутствие четкого разграничения между понятиями любви и дружбы было свойственно античной философии в целом: Österberg 2010, 31.

¹¹ Tusc. disp. IV. 68: «Et ut turpes sunt qui efferunt se laetitia tum, cum fruuntur Veneriis voluptatibus, sic flagitiosi, qui eas inflammato animo concupiscunt. Totus vero iste, qui vulgo appellatur amor – nec hercule invenio quo nomine alio possit appellari –, tantae levitatis est, ut nihil videam quod putem conferendum» («И как отвратительны [те], которые ликуют тогда, когда

ряд, именуемый «желание» (*libido*) (*Ibid.* IV. 72), под которым подразумевается «чрезмерное стремление к воображаемому великому благу, не подчиняющееся разуму» («*inmoderata adpetitio opinati magni boni rationi non obtemperans*»: *Tusc. disp.* III. 24. См. также: *Ibid.* III. 25; IV. 12, 14, 15). «Желания», в свою очередь, входят у Цицерона в понятие душевных волнений (*perturbationes*) (см. *De fin.* III. 35; *Tusc. disp.* III. 7, 24; IV. 14, 15), являющихся «представлениями и легкомысленными суждениями» («*opinionones ac iudicia leuitatis*»: *De fin.* III. 35. См. также: *Tusc. disp.* IV. 14). Любовная страсть, по мнению римского мыслителя, – это самое сильное душевное волнение (*Tusc. disp.* IV. 75). Она близка к безумию (*Ibid.* IV. 72, 75), является «виновницей позора и легкомыслия» («... *flagitii et leuitatis actorem*...»: *Ibid.* IV. 69. См. также: *Ibid.* IV. 68), характеризуется «непостоянством и изменчивостью настроения» («*inconstantia mutabilitasque mentis*») и не соответствует природе (*Ibid.* IV. 76). Любовная страсть может привести к бесчестьям (*stupra*), оболщаниям (*corruptelae*), нарушениям супружеской верности (*adulteria*), кровосмешениям (*incesta*) (*Ibid.* IV. 75), а также, подобно другим «желаниям» (*libidines*), – «к любому злодеянию» («*ad omne facinus*»: *De rep.* VI. 1). Она свидетельствует об ориентации человека на получение мнимого блага, при этом либо себя ценят больше, чем другого человека, либо другого больше, чем себя. Это не согласуется с представлениями Цицерона о любви, рассмотренными выше, поэтому к любовной страсти он относится крайне негативно и считает, что с ней необходимо бороться (*Tusc. disp.* IV. 68, 74, 75, 76). Следовательно, рассуждения о любовной страсти позволяют этому мыслителю показать ложный, ошибочный характер обыденных представлений о любви, который является причиной аморальных и иногда даже противозаконных поступков.

Таким образом, хотя представления Цицерона о любви изложены в его разных теоретических произведениях и не приобрели форму законченного учения, все же они не содержат противоречий. Любовь как философская категория выполняет у этого мыслителя определенные функции, позволяя ему объяснить поступки человека, взаимоотношения людей, их объединение в социумы разных уровней. Распространенное среди его современников понимание любви как страстного влечения он считает ошибочным, поскольку оно ведет к совершению поступков, нарушающих нормы морали и права.

наслаждаются Венериными удовольствиями, так покрывают себя позором [те], которые воспламененным духом к ним стремятся. Действительно, всему тому, что обычно называется «любовью» (и, право же, я не нахожу, каким иным именем может быть названо), свойственно такое легкомыслие, что я не вижу, с чем [его] сопоставить»).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апресян, Р. Г. (2000) «От “дружбы” и “любви” – к “морали”»: об одном сюжете в истории идей», А. А. Гусейнов, отв. ред., *Этическая мысль: Ежегодник*. Москва, 182–194.
- Гаджикурбанова, П. А. (2005) «Стоическая теория аффектов», А. А. Гусейнов, отв. ред., *Этическая мысль*, Вып. 6. Москва, 76–89.
- Звиревич, В. Т. (1988) *Цицерон – философ и историк философии*. Свердловск.
- Звиревич, В. Т. (2003) «Римский образ жизни и его ценности в представлении Цицерона», А. В. Зайков, Л. А. Закс, В. Т. Звиревич, ред., *Исседон. Альманах по древней истории и культуре*, Т. II. Екатеринбург, 11–123.
- Кришталёва, Л. Г. (2010) *Философия и этика поступка (структура и значение поступка в различных культурно-исторических обстоятельствах – опыт реконструкции)*. Москва.
- Лосев, А. Ф. (1979) *Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н. э.* Москва.
- Мазаева, О. Г. (2015) «О терминологическом смысле языковых образований античной философии», *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 2 (30), 137–144.
- Некрасова, Н. А., Гарновский, К. Ю. (2010) «Любовь: к вопросу о сущности явления», *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право* 8 (79).12, 210–216.
- Утченко, С. Л. (1986) *Цицерон и его время*. Москва.
- Чанышев, А. Н. (1990) «Любовь в античной Греции», Д. П. Горский, ред., А. А. Ивин, сост. *Философия любви*. Ч. 1. Москва, 36–67.
- Goold, G. P., ed. (1975) *Cicero. Collected works*. Vol. XXI. De Officiis. With an English Translation by W. Miller. London.
- Goold, G. P., ed. (1979) *Cicero. Collected works*. Vol. XIX. De Natura Deorum. Academica. With an English Translation by H. Rackham. London.
- Goold, G. P., ed. (1988) *Cicero. Collected works*. Vol. III. De Oratore. Books I, II. With an English Translation by E. W. Sutton. Completed, with an Introduction, by H. Rackham. London.
- Österberg, E. (2010) *Friendship and Love, Ethics and Politics: Studies in Mediaeval and Early Modern History*. Budapest – New York.
- Warmington, E. H., ed. (1971) *Cicero. Collected works*. Vol. XVIII. Tusculan Disputations. With an English Translation by J. E. King. London.
- Ziegler, K., ed. (1979) *Cicero. Staatstheoretische Schriften*. Lateinisch und Deutsch. Berlin.